

ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ. ЧТО ПЕРВИЧНО В ИСТОРИИ ДЕНЕГ: ДОЛГ ИЛИ ОБМЕН

Александр Иванович ЯКОВЛЕВ¹, к.э.н.,

Анна Васильевна ЗАТЕВАХИНА², к.э.н., доцент

¹Кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Адрес для корреспонденции: А.И. Яковлев, 197376, ул. Профессора Попова, д. 5
Санкт-Петербург, Россия

²Кафедра экономики и финансов предприятий и отраслей, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака».

Адрес для корреспонденции: А.В. Затевахина, 191023, Невский пр., 60
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Основой исследования в данной статье является цикл лекций «Blockchain & Money», который прочитал осенью 2018 года в Массачусетском технологическом институте (MIT) будущий председатель SEC Гари Генслер (Gary Gensler). Этот цикл лекций заставил задуматься о современной экономической теории и, в частности, об одном из основных вопросов – методологических проблемах теории денег и финансов: «Появились ли деньги вследствие бартера? Или же вследствие системы учёта долгов?». Иными словами, каким образом появились деньги?

Авторы приводят доводы в пользу того, что теоретические конструкции учёных должны быть систематизированы и совмещать в себе как исторические факты, так и экономические законы, что позволяет пересмотреть методологические подходы к исследуемому вопросу.

Ключевые слова

Деньги, денежные знаки, долг, обмен, теория стоимости, блокчейн.

VALUE CHAINS. WHAT IS PRIMARY IN THE HISTORY OF MONEY: DEBT OR EXCHANGE

Alexander I. IAKOVLEV¹, PhD in Economics

Anna V. ZATEVAKHINA², Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

¹Assistant professor of Department of economic theory of Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

Address for correspondence: Iakovlev A.I., 197376, St. Petersburg, st. Professora Popova, 5

²Department of Economics and Finance of Enterprises and Industries of the International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Address for correspondence: Zatevakhina A.V., 191011, St. Petersburg, Nevsky pr., 60

Abstract

The basis of the study in this article is the Blockchain & Money lecture cycle, which was given in the fall of 2018 at the Massachusetts Institute of Technology (MIT) by future SEC Chairman Gary Gensler. This cycle of lectures made us think about modern economic theory, and, in particular, about one of the main questions - the methodological problems of the theory of money and finance: «Did money appear as a result of barter? Or due to the debt accounting system?». In other words, how did the money appear?

The authors argue that the theoretical constructions of scientists should be systematized and combine both historical facts and economic laws, which allows you to revise methodological approaches to the studied issue.

Keywords

Money, banknotes, debt, exchange, the theory of value, blockchain.

Введение

Ответ на поставленный в названии статьи вопрос сегодня имеет не только методологическое значение, поскольку определяется природа денег, но и практическое. Если вспомнить основы экономической теории, то на самом деле речь идёт о том, какая из функций денег: средство обмена (некая система бартера) или средство платежа (или некая система если не записи, то учета долгов) является определяющей в истории возникновения денежных знаков.

Гари Генслер как практик подходит к решению этой проблемы вполне утилитарно. По его мнению, обе версии имеют право на существование, а дословно это звучит так: «Возможно, это было некое слияние обоих вариантов». При этом неденежную торговлю он настойчиво именуется «бартер», а долговые записи именуется «система учёта».

Проблеме происхождения денег Генслер посвятил несколько слайдов, но интерес вызывает слайд под названием «Неметаллические деньги». Важно, что вещи на слайде названы всё-таки деньгами, хотя это, конечно, денежные знаки. Существует мнение, что настоящими деньгами можно называть только металлические денежные знаки, причём имеющие чеканку, т.е. некую «государственную» символику. Такие денежные знаки традиционно определяются как «монеты».

На слайде изображены бруски из соли (Salt Bars), палочки для счёта, или счётные палочки (Tally Sticks), ракушки Каури (Cowrie Shells) и знаменитые камни Rai, обнаруженные на архипелаге Яп в Микронезии.

Бруски из соли и ракушки Генслер считает соответствующими «теории бартера», а вот палочки и камни – соответствующими теории «измерение долга». Лектор полагает, что «вообще-то есть две теории», одна из них – «измерение долга», где «камни использовались как некий Ledger (гроссбух), как форма бухгалтерского учёта», а вторая теория – «бартер», который в итоге «привёл к обмену», но при этом нет упоминания о глиняных табличках из древней Месопотамии.

Нет сомнения, что и Льюис Генри Морган, работа которого 1871 года настолько вдохновила «многих радикальных мыслителей, в том числе Маркса и Энгельса, что те положили её в основу противоположного мифа о первобытном коммунизме и первобытном матриархате» [1, с. 419], и множество других исследователей (археологов и историков) старались объективно фиксировать факты. Ставить под сомнение достоверность археологического материала не приходится, но вот трактовка этого материала, выводы, которые на его основании делаются, как верно заметил Генслер, «Это предмет дискуссии, которая ведётся уже многие-многие годы».

Бесспорным лидером мнений среди современных антропологов (а среди криптоанархистов особенно) является всё-таки Дэвид Гребер (David Rolfe Graeber), нетривиальный мыслитель и яркий общественный деятель. Гребер стал широко известен благодаря работе «Долг: первые 5000 лет истории» 2011 года, в которой учёный откровенно иронизирует над гипотезой Адама Смита о происхождении денег, считая ее «воплощением здравого смысла» и описывая как «прямолинейную прогрессию, процесс всё большего усложнения и абстрагирования, который неотвратимо должен был привести человечество от обмена мамонтовыми бивнями в каменном веке к фондовым рынкам, хедж-фондам и обеспеченным деривативам» [1, с. 32].

Примеры Адама Смита (гвозди, табак) несколько неуместны, поскольку взяты из совсем другой экономической эпохи, но это не отрицает того факта, что бартер (меновая торговля, натуральный обмен) был в течение многих столетий если не единственной, то преобладающей, хотя во многом случайной и субъективной формой экономического сотрудничества между людьми.

Поэтому утверждать, что «проблема в том, что доказательств, подтверждающих эту историю, нет, зато есть огромное количество фактов, её опровергающих» [1, с. 33], – нельзя принимать за данность. Меновая или бартерная экономика – самая простая, примитивная форма экономического общения, она предшествовала как денежной, так и всем другим, более

сложным формам взаиморасчёта, отрицать этот факт значит отрицать многовековую историю патриархального натурального хозяйства, что в свою очередь, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что сам Гребер поступает во многом так же, проводя «прямолинейную прогрессию» в отношении долга (практически отождествляя его как обязательство с кредитом) там, где последнего просто не может быть.

Искать «сказочную страну меновой торговли» [1, с. 33] не стоит, её действительно не было, тут учёный прав, как никогда не было и просто не могло быть «сказочной страны кредитной системы», здесь Дэвид Гребер изящно использует подмену понятий и не пренебрегает схоластикой.

Одна из критических точек дискуссии о происхождении денег, которая закономерно осталась вне обсуждения на лекциях Гари Генслера и которая осталась вне обсуждения в книге Дэвида Гребера такова: кто и с кем общается (то ли обменивается, т.е. просто торгуется, то ли берёт в долг, но при этом должны остаться записи, отметки или отметины, тем самым в долговой экономике товар-посредник вроде бы и не нужен). Возникает вопрос: почему это так важно? Многие считают, Гребер в их числе, что обмен (менная торговля), какой бы он ни был, имеет место между «своим» и «чужим» (систему учёта, или Ledger, в этом случае использовать просто невозможно), тогда как долги могут формироваться только среди «своих», т.е. внутри некоего сообщества.

В Древнем мире человек, с одной стороны, – всегда член или часть сообщества, во многом биологического рода/племени, называемого общиной, которая в итоге трансформируется в современную семью. Это как бы его биологическая сторона (аналог – потребительная стоимость). С другой стороны – человек в то же время член или часть принципиально иного сообщества, классового, иногда неверно именуемого «государство», которое возникло в силу разложения первобытно-общинного строя, на его основе, иного источника существования и прогресса у государства просто нет (аналог – общественная или меновая стоимость). Диалектика развития общества такова, что архаичное государство как социальный институт (не экономический) тоже предполагает двойственность, поскольку (политические) классы или социальные/общественные группы (тоже политические, поскольку именно они определяют экономическую политику) различаются в нём главным образом правом собственности на землю как доминирующим фактором производства.

В Месопотамии порядка пяти тысячелетий назад сложилась абсолютно уникальная ситуация: посреди пустыни сформировался как географический

(уникальный климат), так и исторический (высокоразвитая цивилизация посреди варварства) центр. Природа предоставила первой цивилизации человечества уникальные возможности: урожаи ячменя и других культур, что позволяло избегать голода и падежа скота, а также болезней (эпидемий). В силу климатически благоприятной, но небольшой, а главное замкнутой территории древнего Междуречья, его карта буквально усеяна городами (более 30) с многотысячным населением, чему способствовал бурный прирост населения. Отсюда и невероятно высокая, даже уникальная для Древнего мира плотность населения: крупные города располагались буквально рядом (Урук и Ларса, например, на расстоянии всего 24 км) [2, с. 51].

Среди архаичных колхозов стояла доисторическая громадная усадьба (и храм) или комплекс жилых, хозяйственных, парковых и иных построек, а также, как правило, усадебный парк местного «государя» (церковь, точнее, храм (божий) как сооружение и как обязательный атрибут духовной жизни входила в этот комплекс) и эту административную единицу историки определяют как «город-государство».

Что касается «промышленности», то в целом ремесленники в Месопотамии, как и управленческий (бюрократический) аппарат, включая писцов и прочих «пролетариев умственного труда», были «на службе государевой», что принципиально важно для понимания происхождения денег, точнее, денежных знаков того времени. Государственная мануфактура времен Людовика IV или дело Демидовых на Урале времен Петра I – лишь слабая копия этого «первобытнообщинного социализма», этой архаичной «социалистической монархии», основой которой являлась коллективная (или государственная, или храмовая, или царская, или всего сословия – дискуссия по поводу специфики способа производства так и не завершена) собственность на землю, на доходы от которой и за пользование которой надо было и налоги платить, и участвовать несколько месяцев в году в общественных работах.

Как считает известный российский историк В.И. Гуляев, «все ремесленники были храмовыми работниками и получали за свой труд как натуральные пайки, так и наделы земли». [3, с.144] «Промышленность» того времени работала не на рынок, а на государственный заказ и продавала, если была необходимость, лишь излишки и неликвиды [4, с. 91] своей продукции, считает крупнейший специалист по истории Месопотамии Самуэль Крамер (Samuel Noah Kramer). Поэтому возникновение и развитие денег, точнее, денежных знаков, в таких случаях всегда затруднено и очень специфично.

Далее, Дэвид Гребер утверждает, что меновую торговлю или обмен «почти никогда не ведут между собой односельчане, как думал Смит» [1, с. 33]. Так ли это? Во-первых, необходимость в ведении систематического учёта возникает лишь при определённом размере общины, и только в этом случае появляются некие артефакты – носители записи или обмена, ведь в подавляющем большинстве случаев такие отношения не фиксируются «письменно». Отсюда и отсутствие «доказательств». Во-вторых, разложение общины – многовековой процесс, и в её границах уже далеко не все отношения и далеко не всегда – отношения между «своим» и «своим». Отношения между «своим» и «чужим», но односельчанином тоже имели место. Как и чем платили крестьяне местным ремесленникам, кузнецу из своей или соседней деревни? Или последние всегда были «чужими», т.е. уже городскими? И, в-третьих, почему все эти отношения Дэвид Гребер однозначно трактует как отношения долга? Откуда такая уверенность в том, что это не купля и продажа, иногда просто разнесённые во времени? Где чёткий и однозначный критерий отличия меновой торговли от «торговли с долгом» или даже «торговли долгом»?

В отношениях личного долга нет нужды ни в количественной оценке, ни в посреднике (а уж тем более в посреднике в форме денежных знаков). Принцип количественной оценки долга отличается от оценки обмена, в чём косвенно признаётся и сам Гребер⁴, и очень прост: сколько взял, столько и отдал. Аналогично и в отношении количественной оценки дани: сколько назначили, столько и отдай, совсем не обязательно – заплати. Долг по определению, т.е. всегда, вторичен и является следствием сложившейся системы рыночных отношений.

Тот обмен, которые неизбежно возникают между соседями, а чаще родственниками в сельской общине (община – рудимент первобытнообщинного строя) Гребер пытается представить как кредит, анализируя экономическое содержание долга и кредита, как и экономическое содержание категории «дань» (продуктами) и категории «налог» (всегда деньгами).

Попробуем разобраться с тем, что Дэвид Гребер определяет как «огромное количество фактов» в пользу кредита как первопричины

⁴ «Также вполне вероятно, что деньги всегда будут с нами в той или иной форме, поскольку трудно представить сложное общество, в котором никто никогда не захочет знать, сколько одной вещи эквивалентно количеству чего-то другого. Однако, как этот общий принцип пропорциональности относится к средствам обмена, сколько их, для чего они используются, кто контролирует их производство и регулирование, сколько их разных видов, в каких контекстах они используются, а в каких нет... – вот тут-то и происходит настоящее действие». [5, с. 1].

возникновения денег. В уже упоминаемой работе о Месопотамии учёный утверждал: «Но самый сильный удар по общепринятой версии экономической истории нанесла расшифровка сначала египетских иероглифов, а затем клинописи Месопотамии» [1, с. 42]. На глиняных табличках были «записаны приходы и расходы, пайки, выдававшиеся храмами, долги за аренду храмовых земель, размер которых точно указывался в зерновом и серебряном выражении». [1, с. 25]. Далее следует аргумент: «Легко заметить, что “деньги” в данном случае не являются продуктом торговых сделок. Они были созданы бюрократами для того, чтобы отслеживать использование ресурсов и распределять вещи» [1, с. 43]. Однако для использования ресурсов и распределения вещей, как тогда, так и сейчас, достаточно лишь «межотраслевого баланса» в натуральном выражении, деньги для этого действительно не нужны⁵.

Чеканка монеты из любого металла – технически сложная операция, которая должна быть экономически оправдана, т.е. монеты должно быть «много», её количество, да и вес должны соответствовать определённому уровню интенсивности товарно-денежных отношений, иными словами, объёму товарной массы. Ведь кто-то и где-то должен её чеканить, причём в «промышленных масштабах», не только извлекая сеньораж, но и неся ощутимые затраты и даже потери, поскольку монеты становятся «достоянием общественности», в отличие от капитала, они не возвращаются к первоисточнику. Сам факт отсутствия монеты в обращении совсем не говорит о том, что деньги в Месопотамии в товарообменных операциях не использовались, поскольку последние могут принимать различные формы.

Хотелось бы отметить, что клинопись на табличках была расшифрована еще в середине XIX века. В связи с этим накопилось немало серьёзных научных исследований, включая работы учёных из России, где изложен богатый фактический материал, в том числе по истории денежного хозяйства. То, что записи учёта хозяйственных операций и взаиморасчётов разного рода, в том числе по долгам, появились намного раньше, чем начали чеканить монету, совсем не удивительно. Письменность и система счёта вызваны нуждами практики, они создавались и развивались одновременно и, конечно, неразрывно связаны между собой исторически и логически.

⁵ «Годовые отчёты царского хозяйства городов Умы написаны клинописью на большом кирпиче с обеих сторон и содержат сведения о численности рабочей силы, баланс, согласующий сумму рабочей силы и её расход. Чёткое указание на количество всей рабочей силы, включая постоянных и временных работников, и количество рабочих дней свидетельствует о знакомстве с такими понятиями, как «человеко-день», «объём работ» и «норма производительности труда». Наряду с этими данными таблички фиксируют нормы потребления продуктов и ткани на одежду»[6, с. 1].

Антрополог Дэвид Гребер, объективности ради, несколько раз упоминает серебряные слитки, а однажды даже называет их «деньгами»⁶, но почему-то считает, что деньги появились в Месопотамии как следствие формирования некой «кредитной системы» [1, с. 41], утверждая, что таковая первоначально была не частной, а государственной. Учёный утверждает, что сначала возникло в Месопотамии государство с его налогами, а затем и поэтому, для учёта и администрирования налогов (налогов именно в денежной форме) возникли деньги⁷. Древнегреческую и древнеримскую экономики антропология под сомнение не ставит. А вот в отношении Месопотамии имеет место следующая позиция: «аргументы разносят в пух и прах общепринятую историю о происхождении денег. Редко когда историческая теория оказывалась настолько несостоятельной» [1, с. 44].

Уже в Шумере в IV–III тысячелетии до нашей эры имела место торговля. Средством если не обмена, то единицей сравнения, точнее, соизмерения (как при обмене, так и при финансовых операциях, к которым можно отнести долг) выступало поначалу зерно ячменя. Единица эта сохранила наименование вплоть до наших дней, поскольку основной продукт продовольствия – зерновые, что нашло отражение даже в работах Альфреда Маршалла [7, с. 44]. Со временем, с развитием ремесел и общественного разделения труда появляются средства обмена из металла, главным образом из серебра.

Какие конкретно денежные знаки были, на его взгляд, «деньгами» в Месопотамии вследствие создания «системы учёта долга» Дэвид Гребер так и не называет. Дело в том, что реально основную функцию денег, т.е. функцию средства обмена, выполняли как серебряные слитки, так и меры продуктов (обычно это были зерно и финики) [8, с. 111]. Недвижимое имущество (дома, поля, сады) покупалось и продавалось, то же относилось и к доходам, которые получали от храмовых владений, к прибылям от эксплуатации рабов и т. д. Однако сделки с потребительскими товарами не регистрировались как продажа, и ни в одном тексте никогда не упоминаются продукты питания как предмет торговли» [3, с. 143–144].

Это важное замечание, а Гребер путает факты и артефакты, утверждая, например, что даже на рынках, «как показывают факты, большинство сделок

⁶ «Храмовые бюрократы использовали эту систему, чтобы устанавливать размер долгов (рент, сборов, займов и т. д.) в серебре. Серебро, собственно, и было деньгами. И оно действительно обращалось в виде необработанных брусков, или в «слитках», по определению Смита. В этом он был прав» [1, с. 43].

⁷ «На рынках, возникших в городах Месопотамии, цены тоже рассчитывались в серебре, а цены на товары, которые не полностью контролировались храмами и дворцами, колебались в зависимости от соотношения спроса и предложения» [1, с. 44].

основывалось на кредите» [1, с. 44], что явно ошибочно. Услуги писца стоили немало, поэтому регистрировались только значимые сделки, в силу чего найденные артефакты (клинопись) – далеко не репрезентативная выборка экономической жизни Месопотамии.

Например, «по подсчётам И. Крехера [8, с. 101–114], до нас дошли всего лишь 4 % относящихся к аренде документов» [9, с. 23]. Причин тому две: очевидная и основная, конечно, это беспощадное время, вторая причина – более прозаическая: если договор исполнялся, то таблички уничтожались как ненужные, что фиксировалось таким образом: «Абстрактные долговые обязательства получены, таблички стерты, расписки их разбиты» [9, с. 111]. В то же время объективности ради следует отметить, что «характерной чертой документов о купле всех видов товаров (транспорт, недвижимость, бытовые предметы, рабы) было то, что покупателю предоставлялось право покупать товар в рассрочку», о чём свидетельствует «наличие «базарных» долговых расписок» [9, с. 111]. В то же время надо помнить, что речь идёт о крупнейшем деловом доме, который, скорее всего, вёл учёт всех своих торговых операций и о том, что это скорее продажа и покупка с рассрочкой платежа, что норма того времени.

Помимо государственного рынка существовал и частный, его представлял базар, оказавшийся не то что бы вне системы учёта долга, а просто не поставленный на «учёт и контроль», т.е. свободный, стихийный частный рынок того времени. Скорее всего, основные расчёты за местные товары (продовольствие) производились зерном. Это была своеобразная разменная монета. Характерная деталь: монополия государства [3, с. 144] в Месопотамии распространялась прежде всего на «международную» торговлю, т.е. имела место монополия внешней торговли, и внутренний рынок тоже регулировался.

Дэвид Гребер постоянно говорит о кредите, а иногда даже о некой «кредитной системе», которая существовала в Месопотамии. Обратимся к монографии «Деловой дом Эгиби» А.А. Мартиросяна, настоящей энциклопедии бизнеса того времени. «Хранение вкладов и финансовое посредничество осуществляется ... только для людей одного круга, так же, как и выдача беспроцентных ссуд. Поскольку права на использование вклада не было, дом Эгиби нельзя считать банком» [9, с. 163]. Сказанное выше не отрицает того факта, что «неплатёжеспособность широких кругов населения вела к развитию широкой кредитной системы» [10, с. 107], но с одной существенной (для экономической теории) поправкой. Развивалась не кредитная система, а система ростовщичества. Базой для неё являлась

упомянутая «неплатёжеспособность широких кругов населения», формировавшая спрос, а становление различных форм товарно-денежных отношений, разлагавшее «первобытнообщинный социализм», формировало предложение.

Ещё один пример, которому не нашлось места в работе Дэвида Гребера, хотя в лекции Генслера и в рекомендованных им статьях он неизменно присутствует, поскольку, казалось бы, «очевиднее» всех прочих. Это так называемые «каменные деньги» на остров Яп. Конечно, каменные валуны, многие из которых выше человеческого роста, не могут быть средством обмена «буквально», т.е. переходить из рук в руки они не могут. Но жители острова каким-то образом их используют. Антропологи считают, а вслед за ними и Генслер, что в этом случае происходит «измерение долга» или работает «система учёта долгов». Мало того, есть и мелкие камни, которые переходят из рук в руки. Встречалось и оригинальное мнение, что камни выступают в функции средства сбережения/накопления ценности [10, с.1].

Важно отметить следующее. Яп – это маленький остров, чуть более 100 кв. км. Опять же, как и в Месопотамии, – замкнутое пространство, что важно. На острове в наше время живет 10 тысяч жителей, а в начале прошлого века проживало примерно пять–семь⁸. Это единая община, хотя она и разделена на несколько родов (семьи). Несомненно, обмен происходил внутри общины, у которой был вождь. На острове обмениваются вроде «свои», что противоречит доктрине Дэвида Гребера.

Несмотря на все уверения антропологов, что происходит «измерение долга», на самом деле имеет место обычная купля-продажа⁹, правда, с учётом «островной специфики». Возможно, иногда каменные деньги физически «передавались» не всегда и не сразу, но, самое главное, происходит метаморфоз Т – Д – Т (хижина – камень Rai – свадебный подарок), т.е. «каменные деньги» находились в обращении, и другой экономической роли у них просто нет.

Важно и то, каким образом «каменные деньги» поступали в обращение. Достаточно оригинальный, но абсолютно точный аналог золотодобычи. Экономической теорией этот уникальный эксперимент долгие десятилетия

⁸ Порог возникновения устойчивого обмена на основе разделения труда – примерно одна тысяча жителей общины [11, с. 1] считает Lynn Gamble из University of California, Santa Barbara.

⁹ «В конце XIX большой камень раи был эквивалентен стоимости выкупа за невесту, лодки - каноэ, свиньи или значительного количества различных плодов. За камень меньшего размера можно было купить мешок копры, трепанги или другие морепродукты, которые по стоимости были эквивалентны примерно десяти долларам» [14, с. 1].

практически не анализировался. Заметка Милтона Фридмана [12] 1991 года любопытна тем, что в ней лишь ставятся вопросы, причём очевидные и риторические, на которые mainstream, в том числе и сам Фридман, даже не попытался ответить.

Номинал «каменных денег» определял вождь (совет старейшин), причём он и сеньораж извлекал (забирал часть монет, т.е. камней, на свой участок). Вождь определял реальную ценность камня (своеобразное ICO), причём цена устанавливалась в раковинах, и только после этого каменные «монеты» поступали в оборот, где коллектив или островной blockchain вёл их «учёт и контроль», т.е. вёл историю обращения каждой монеты «из уст в уста». Что любопытно, регулярно вели mining, т.е. добывали камень, более 400 мужчин или примерно 10 % взрослого населения острова – это очень много.

В 1929 году «японская администрация провела полный «аудит» финансовой системы острова и насчитала 13 281» [11, с.4] камней Rai. Как можно считать такое непомерное число валунов «системой учёта долгов»? Да и как можно выстроить систему учёта, если каждый камень имеет свой «персональный Ledger»?

Существует, на наш взгляд, ещё одна интересная версия: камни Rai – не столько средство обмена, сколько сбережения/ накопления [13, с. 3]. Действительно, «каменное золото» использовалось не каждый день, из него формируется некий фонд, причём не персональный, а коллективный, т.е. семьи или рода, этот фонд расходовался в исключительных случаях (покупка жилья, свадьба, похороны). А обычная или повседневная экономика так и велась на базе «традиционных ценностей», где (разменной) монетой были банальная для этих мест связка перламутровых раковин, цинковка определённого размера или стандартный кусок ткани. С учётом выше сказанного гипотеза Дэвида Гребера лишается экономической рациональности и целесообразности.

Можно предположить, что первоначально деньги появились не в результате развития индивидуального обмена и на его основе индивидуального учёта, как было принято считать после Адама Смита. В процессе разложения общины и формирования в её недрах частной собственности спорадически появлялись и закреплялись формы меновой стоимости (будущие деньги), причём наряду с межобщинным обменом в определённых ситуациях зарождалась не система учёта долга, тем более кредита, а специфическая система обмена внутри общины, на основе

которого складывалась опять же специфическая, как в Месопотамии, или даже уникальная, как на острове Яп, система учёта транзакций.

«Каменные деньги» представляют собой уникальное явление. Дэвид Гребер утверждает, что раз «физически» они не передаются (из рук в руки), то и обмена нет, тем самым и средством обмена «каменные деньги» выступать не могут, поэтому представляют собой некую систему учёта, но не просто учёта, а учёта почему-то долга. Но на острове Яп система учёта не могла работать, потому что такой системы просто не было. Каждый камень имеет свою уникальную историю. А то, что «каменные деньги» были вне обращения, то это неверно: небольшие камни передавались и перетаскивались, а крупные не было смысла перемещать с места на место: слишком высоки были «транзакционные издержки».

В любом случае, «каменные деньги» не являлись и не могли быть полноценными денежными знаками. Денежные знаки должны быть унифицированы, т.е. взаимозаменяемы. Иначе это не деньги, точнее, не денежные знаки, а экспонаты нумизматические коллекции, что и произошло в итоге. На острове ни одна из «монет» не тождественна другой, масштабирования не было в принципе, как не было и делимости, практически нельзя было дать или получить сдачу, по крайней мере, этими же камнями, экономическое тождество средств обмена как системы учёта было нарушено.

И ещё одна «деталь»¹⁰: камни на острове Яп – разного номинала. Каждый из них имел свою историю и свою цену. А выражалась эта цена как раз вполне традиционно, в перламутровых раковинах [15, с. 1]. Таким образом, «каменные деньги» острова Яп не обладают некоторыми фундаментальными характеристиками денег, по крайней мере, согласно классической экономической теории. Логическая, казалось бы, совершенно абстрактная схема развития меновой стоимости, которую предложил Карл Маркс в «Капитале», работает в науке и сегодня. Обращение к принципу единства исторического и логического в свете новых фактов, которые получает археологическая наука, не только уместно, но и неизбежно. Анализ теории стоимости (меновой и потребительской) как развития товара и денег в их диалектическом единстве в «Капитале» есть «построение логической модели развивающейся системы» [16].

Выводы

¹⁰ Возможно, поэтому Дэвид Гребер избегал упоминать о «каменных деньгах».

Деньги или не деньги? Что такое «суррогатные деньги»? Чем отличаются от денег их заменители или заместители? Этим фундаментальным вопросам уже более двух сотен лет. При этом надо понимать, что реально речь идёт всё-таки о денежных знаках, что антропология, даже экономическая, понимает и учитывает далеко не всегда. Конечно, было удобнее взимать дань стандартным или тяготеющим к нему продуктом (меха и мёд на Руси или скот в Азии), поэтому когда в сферу научного диспута попадают какао-бобы или более-менее одинаковые куски ткани¹¹ как удобный «инструмент» взимания податей, с этим трудно не согласиться. Но это не значит, что этими же товарами не обменивались на рынке¹².

Собственно бартер, или меновая торговля, – это всегда действие, рыночная стихия, историческая случайность, которую упорядочивает и систематизирует логика развития товарных денег. Учёт – совсем не обязательно долга – при этом всегда присутствует, т.е. имеет место информационная составляющая процесса обмена как столь популярные сегодня как бы «информационные деньги». Или социальные, как иногда считают антропологи. Для Гребера социальная связь была более важна, чем экономическая, хотя это можно поставить под сомнение. По крайней мере, в экономической теории.

Информационная составляющая имманентно присуща деньгам, она была всегда, но долгое время в роли сопутствующей, поскольку отсутствовала соответствующая ей материальная и социальная инфраструктура. Последняя – в форме банковской системы «учёта и контроля» – создавалась веками, в силу чего акцент постепенно смещался. При этом диалектика, двойственность формы и содержания ставит экономистов *mainstream* в тупик: информация сегодня – уже основа, содержание, процесс обмена, а носитель, денежные знаки, которые веками были содержанием, поскольку были материальны, стали формой, т.е. вторичны, изменяясь вслед за техническими, организационными и инфраструктурными возможностями «экономического общения».

¹¹ «В этой статье я исследую раннюю монетизацию какао-бобов и хлопчатобумажного текстиля классических майя (250–900 гг. н. э.). Я утверждаю, что эти продукты, первоначально ценившиеся за их использование как отражение статуса, приобрели денежные функции в контексте расширения рынков сбыта среди конкурирующих царств майя» [17, с. 210].

¹² «В дополнение к бобам какао в качестве товарных денег на территории проживания индейцев имели хождение кукуруза, амарант, раковины, хлопковые плащи, бусы, ножи из обсидиана, медные колокольчики, золото, серебро, нефрит, перья экзотических птиц и др. Этими товарами также оплачивали покупки и платили дань властям» [18, с.1].

В последние годы история «каменных денег» острова Яп получила неожиданное теоретическое продолжение. Среди антропологов нашлись энтузиасты Bitcoin, точнее, blockchain. Scott M. Fitzpatrick и Stephen McKeon, представители экономической антропологии, утверждают, что камни острова Яп – не больше и не меньше как «древний биткойн» [13, с. 7]. Действительно, процедура доказательства выполнения работы или «proof-of-work» внешне напоминает процедуру «общественного контроля» за транзакциями, в которой участвуют камни на острове Яп, но именно за транзакциями, т.е. только актами купли-продажи. Повод для сравнения есть, но не больше, поскольку есть и существенные различия¹³, ставящие эту экзотическую версию в один ряд с туристической экзотикой острова Яп.

Биткойн или Blockchain & Money не нуждается ни в идеологических подпорках, ни в сомнительных исторических аналогиях. Все вопросы с преемственностью не очень серьёзны и вряд ли научны. Биткойн или Bit Gold – уникальная, хотя и далеко не идеальная платёжная система новой, уже цифровой экономики.

Список источников

1. **Гребер Дэвид** (1961). Долг: первые 5000 лет истории [Текст] / Дэвид Гребер; [перевод - Александр Дунаев]. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2011. – 614 с.
2. **Авдиев В.И.** История Древнего Востока/ Изд. второе, перераб. и доп. – М.: Госполитиздат. 1953. – 758 с.
3. **Гуляев В. И.** Шумер, Вавилон, Ассирия: 5000 лет истории / 2-е изд. – М.: Алетей, 2005. – 436 с.
4. **Крамер С.** Шумеры. Первая цивилизация на Земле / Пер. с англ. А.В. Милосердовой. – М.: 2002. – 383 с.
5. Interview with David Graeber – What is Debt? URL: <https://ru.scribd.com/document/76858492/What-is-Debt-Interview-With-David-Graeber> (дата обращения 2021-09-22).
6. **Муравьева Л.А.** Финансово-экономическое развитие Месопотамии // Международный бухгалтерский учет, 2012, № 27 (225), с. 56–64.
7. **Marshall Alfred.** Money, Credit & Commerce. – Macmillan & Company, limited, 1923, 369 p.
8. **Ж. Кречер,** Das Geschäftshaus Egibi in Babylonien in neubabylonischer und achämenidischer Zeit, Münster, 1970. – 349 p.
9. **Мартirosян, А.А.** Деловой дом Эгиби. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. – 191 с.

¹³ Эти существенные различия признают и сами антропологи [13, с. 15–19].

10. **Кленгель-Брандт, Эвелин.** Путешествие в древний Вавилон/[Авт. предисл., с. 3–26, и примеч. В.А. Якобсон]. – Москва: Наука, 1979. – 259 с.

11. **Bruce Bower.** Conflict reigns over the history and origins of money. URL: The origins of money are murky and mysterious | Science News (дата обращения 2021-08-15).

12. **Milton Friedman,** The Island of Stone Money, Working Papers in Economics E-91-3, The Hoover Institution Stanford University, February 1991.

13. **Scott M. Fitzpatrick, Stephen McKeon.** Banking on Stone Money: Ancient Antecedents to Bitcoin. *Economic Anthropology*, Volume7, Issue1, January, 2020, p. 7–21.

14. **Андрианов В. Д.** История денежного обращения: каменные деньги острова Яп. URL: <http://viperson.ru/articles/istoriya-denezhnogo-obrascheniya-kamennye-dengi-ostrova-уар-6386> (дата обращения 2021-08-15).

15. **Роберт Майкл Пул.** Каменные деньги острова Яп: самая твердая валюта в мире URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/vert-tra-russian-44028057> (дата обращения 2021-08-05).

16. 16. Принцип единства исторического и логического. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Принцип_единства_исторического_и_логическо_г (дата обращения 2021-08-05).

17. **Joanne P. Varon.** Making money in Mesoamerica: Currency production and procurement in the Classic Maya financial system// *Economic Anthropology*, Volume5, June 2018, p. 210–223.

18. **Андрианов В.Д.** История денежного обращения: шоколадные деньги. URL: <http://viperson.ru/articles/istoriya-denezhnogo-obrascheniya-shokoladnye-dengi> (дата обращения 2021-08-15).

References

1. **Greber Devid** (1961). *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Tekst] / Devid Greber; [perevod Aleksandr Dunaev]. – Moskva: Ad Marginem Press, 2011. – 614 s.

2. **Avdiev V.I.** *Istoriya Drevnego Vostoka/* Izd. vtoroe, pererab. i dop. – M.: Gospolitizdat. 1953. – 758 s.

3. **Gulyaev V. I.** *SHumer, Vavilon, Assiriya: 5000 let istorii /* 2-e izd. – M.: Aleteja, 2005. – 436 s.

4. **Kramer S.** *SHumery. Pervaya civilizaciya na Zemle /* Per. s angl. A.V. Miloserdovoj. – M.: 2002. – 383 s.

5. Interview with David Graeber – What is Debt? URL: <https://ru.scribd.com/document/76858492/What-is-Debt-Interview-With-David-Graeber> (дата obrashcheniya 2021-09-22).

6. **Murav'eva L.A.** *Finansovo-ekonomicheskoe razvitie Mesopotamii. Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet*, 2012, № 27 (225), S. 56–64.

7. **Marshall Alfred.** Money, Credit & Commerce. – Macmillan & Company, limited, 1923, 369 p.
8. **J. Krecher,** Das Geschäftshaus Egibi in Babylonien in neubabylonischer und achämenidischer Zeit, Münster, 1970. – 349 p.
9. **Martirosyan, A.A.** Delovoj dom Egibi. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1989. – 191 s.
10. **Klengel'-Brandt,** Evelin. Puteshestvie v drevnij Vavilon/[Avt. predisl., s. 3-26, i primech. V.A. YAkobson]. – Moskva: Nauka, 1979. – 259 s.
11. **Bruce Bower.** Conflict reigns over the history and origins of money. URL: The origins of money are murky and mysterious | Science News (data obrashcheniya 2021-08-15).
12. **Milton Friedman,** The Island of Stone Money, Working Papers in Economics E-91-3, The Hoover Institution Stanford University, February 1991.
13. **Scott M. Fitzpatrick, Stephen McKeon.** Banking on Stone Money: Ancient Antecedents to Bitcoin // Economic Anthropology, Volume7, Issue1, January, 2020, p. 7–21.
14. **Andrianov V. D.** Istoriya denezhnogo obrashcheniya: kamennye den'gi ostrova YAp. URL: <http://viperson.ru/articles/istoriya-denezhnogo-obrascheniya-kamennye-dengi-ostrova-yap-6386> (data obrashcheniya 2021-08-15).
15. **Robert Majkl Pul.** Kamennye den'gi ostrova YAp: samaya tverdaya valyuta v mire. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/vert-tra-russian-44028057> (data obrashcheniya 2021-08-05).
16. Princip edinstva istoricheskogo i logicheskogo. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Princip_edinstva_istoricheskogo_i_logicheskog (data obrashcheniya 2021-08-05).
17. **Joanne P. Baron.** Making money in Mesoamerica: Currency production and procurement in the Classic Maya financial system // Economic Anthropology, Volume5, June 2018, p. 210–223.
18. **Andrianov V.D.** Istoriya denezhnogo obrashcheniya: shokoladnye den'gi URL: <http://viperson.ru/articles/istoriya-denezhnogo-obrascheniya-shokoladnye-dengi> (data obrashcheniya 2021-08-15).